

УДК 81.114.4

О ВЕРБАЛЬНОЙ КОРРЕКЦИИ КАРТИНЫ МИРА

А.Д. Васильев (Красноярск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. Лексика представляет собой уровень языка, непосредственно связанный с окружающей человека действительностью и его внутренним миром. Активизация использования определенных лексем способна повлиять на сознание носителя языка и программировать его поведение в различных ситуациях. Заблаговременная подготовка адресата к необходимому действию проявляется в коррекции языковой картины мира, что позволяет достигать целей информационно-психологической войны: подмены традиционных аксиологических ориентиров другими, выгодными манипуляторам.

Цель данной статьи – анализ употребления в российских средствах массовой информации существительного *коллаборационист* и эволюция аксиологических ориентиров, формируемых современными СМИ.

Методами данного исследования являются семантический, стилистический и контекстуальный анализ лексем. Особая роль при этом отводится анализу общественно-политического лексикона, призванного словесно воплощать компоненты универсальной семиотической оппозиции 'сакральный'/'профанный' (в иных модификациях также 'свой'/'чужой', 'хороший'/'плохой' и т.п.). В этой сфере деятельности требуются четкие формулировки для распознавания участников противоборствующих сторон и внедрения соответствующих словесных ярлыков в общественное мнение.

Анализ и результаты исследования. Известны случаи не критичного отношения к реалиям прошлого, экстраполируемого на настоящее. Это происходит и за счет смены лексических обозначений исторических событий и их участников. Слово *коллаборационист* ранее применялось только по отношению к гражданам европейских государств, сотрудничавших с гитлеровскими оккупантами во время Второй мировой войны. Сегодня оно явно вытеснило из оборота обозначения *предатель* и *изменник Родины*, ранее бывшие привычными названиями советских граждан, сотрудничавших с фашистами.

Заключение. Подобные подмены сегодня чрезвычайно распространены в российских публичных речевых актах. Данный пример – один из многих случаев трансформации универсальной оппозиции 'сакральный'/'профанный' (также 'свой'/'чужой', 'хороший'/'плохой' и т.п.), а точнее – реполяризации ее словесных экспликаций в массовом сознании.

Ключевые слова: *коррекция картины мира, вербальные манипуляции, общественно-политическая лексика, универсальные семиотические оппозиции, средства массовой информации, заимствования, эвфемизмы, коллаборационист.*

Постановка проблемы. Лексика представляет собою уровень языка, непосредственно связанный с действительностью. Явления реальности, окружающей человека, и его внутренний мир находят воплощения в словах, а они, в свою очередь, зачастую становятся определяющими ментальные черты и особенности поведения носителей языка. Лексика наиболее подвержена воздействию экстралингвистических факторов и потому выступает в роли эффективного инструментария для манипуляций сознанием.

Словесные ярлыки могут быть наклеены на семантический вакуум (ср. *сенаторы* и *губернаторы* при отсутствии *сената* и *губерний*) или называть нечто не только не соответствующее, но даже и противоположное именуемому (например, *эффективные собственники*, возникшие в результате смутных залоговых аукционов, но постоянно обращающиеся за государственной поддержкой) и т.п.

Эволюции частотности многих лексем получают импульсы в виде политических процессов. Так, в ходе афганской войны противников советских войск сначала называли *бандитами*, потом – *мятежниками*, а затем – совершенно уже невнятными *душманами* и *моджахедами*.

И наиболее благодатным материалом для пропагандистских операций оказываются именно заимствования. Их внутренняя форма недоступна восприятию носителя языка-реципиента. А ведь «внутренняя форма слова есть отношение содержания мысли к сознанию; она показывает, как представляется человеку его собственная мысль» [Потебня, 1976, с. 115] (см. об этом также [Кара-Мурза, 2002, с. 92; Васильев, 2022]).

Обзор литературы. При этом слова допустимо рассматривать как «представителей высказывания, мировоззрения, точки зрения и т.п.» [Бахтин, 1986б, с. 316]. Но именно поэтому определенные лексические единицы способны выступать в «функции носителей скрытой угрозы <...>. Можно, используя слово, заставить человека <...> самостоятельно сгенерировать нужную программу, которая послушно будет ждать своего часа активизации» [Расторгуев, 2003, с. 243]. Иначе говоря, слово-стимул (слово-сигнал) с сопутствующими ему коннотациями, отложившись в памяти адресата, в какой-то момент обязательно сыграет предписанную ему роль детонатора, обеспечив поведение индивидуума и какой-то части социума в направлении, предусмотренном вербальной суггестией.

Следует иметь в виду, что, сколько бы ни говорили об отсутствии идеологии и как бы тщательно ее ни маскировали (обоснованно предполагая отторжение значительным числом сограждан), она, конечно же, существует в любом государстве и реализуется, как обычно, прежде всего средствами языка. «Всякий язык выполняет ту или иную идеологическую функцию» [Герд, 2009, с. 2]. Задача исследователя – определить конкретные лексико-фразеологические средства реализации этой функции.

Обычно такие слова появляются первоначально в публичных высказываниях речедееателей, обладающих высоким должностным статусом и, соответственно, имеющих широкие властные полномочия. «Слова языка ничьи <...>, но везде есть какие-то словесно выраженные ведущие идеи “властителей дум” данной эпохи, какие-то основные задачи, лозунги и т.п.» [Бахтин, 1986а, с. 282–283]. Будучи растиражированы средствами массовой информации, такие слова и словосочетания входят в активный оборот, участвуя в формировании или трансформации картины мира в сознании носителей языка.

Цель данной статьи – анализ употребления в российских средствах массовой информации существительного *коллаборационист*.

Методами данного исследования являются семантический, стилистический и контекстуальный анализ лексем.

Информативны в этом отношении публичные речевые акты В.В. Путина [Васильев, 2018]. Причем значимыми для исследования оказываются не только целые текстовые массивы, но и их фрагменты, в том числе отдельные слова и словосочетания. Они вполне способны выступать как некие камертоны умонастроений общества либо предлагаемые в качестве таковых.

В качестве примера приведем высказывание президента на Всероссийском открытом уроке с афористично-программным названием «Помнить – значит знать» 1 сентября 2020 г. (в режиме видеоконференции). Было, в частности, сказано: «...кому-то показалось, что после “холодной войны” они оказались победителями <...>, полагают, что можно и нужно поменять порядок, возникший после Второй мировой войны. Поэтому <...> нужно немножко переделать, переписать то, что было в истории на самом деле. Тех людей, которые во время войны сотрудничают с врагом, их, как известно <...> называют и называли всегда и везде *коллорационистами*. Тех, кто сегодня соглашается с инициаторами переписи истории, вполне можно назвать *коллорационистами* сегодняшнего дня»¹ (разрядка наша. – А.В.).

Действительно, существительные *коллорационизм* и *коллорационист* заметно активизируются в употреблении в связи с некоторыми событиями Второй мировой. Однако нелишним было бы установить, насколько повсеместным и общепринятым в отечественной практике было применение этих слов, а также и по отношению к каким денотатам.

Если привлечь в качестве источника авторитетное советское издание «Всемирная история» (т. X, 1965), то нетрудно убедиться, что слова *коллорационизм* и *коллорационист* именуют явления и лиц, в них участвовавших, имевших место в Западной Европе, не без удовольствия принявшей гитлеровский *Ordnung*. Приведем примеры (далее указаны только страницы цитируемого издания):

«Для укрепления своего господства гитлеровцы насаждали в оккупированных ими странах Европы так называемый *коллорационизм*, т.е. сотрудничество представителей местных эксплуататорских классов с оккупационными властями в ущерб интересам нации <...>. Ее [чешской крупной буржуазии] представители <...> и другие *коллорационисты* входили в состав марионеточных правительств» (с. 57–58). – «Надежды гитлеровцев на переход [Норвегии] к *коллорационизму* начинают оправдываться <...>. Лидер социалистической партии [Бельгии] присоединился к *коллорационистам*» (с. 60–61). – «В оккупированных странах *коллорационисты* подрывали национальное единство» (с. 66). – «Социал-демократы [в Норвегии] медленно изживали настроения *коллорационизма*» (с. 70). – «...Наносить удары [во Франции] оккупантам и *коллорационистам*» (с. 72). – «...В оккупированных фашистами странах движение Сопротивления <...> постепенно приобретало характер общенационального демократического движения, направленного не только против оккупантов, но и против их

¹ URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/63983>

ставленников – *коллаборационистов* <...>... Борьба против захватчиков и *коллаборационистов* <...> имела и социальную направленность» (с. 607–608).

О бывших же советских гражданах, перешедших на службу к оккупантам, сообщается следующее: «...Захватчики [в 1942–1943 гг.] стали активнее сколачивать враждебные Советской власти силы. При помощи сдавшегося в плен *изменника* генерала Власова они создали вооруженные отряды <...>. Большинство таких отрядов <...> формировалось из военнопленных при помощи шантажа, запугивания, принуждения <...>. Те, кто из ненависти к Советской власти и советскому народу обагрили свои руки кровью невинных людей...» (с. 243). – «Мелкими подачками оккупанты привлекали к себе на службу неустойчивых, слабовольных людей и уголовных преступников. Во многих преступлениях <...> на Украине, в Белоруссии, Латвии, Литве и Эстонии участвовали буржуазные *националисты*. Ненавидя Советскую власть, они *изменили* своей Родине <...>. Однако и эти *предатели* не пользовались полным доверием фашистского руководства» (с. 150). – «Советские войска взяли в плен <...> большую группу *власовцев* вместе с *изменником* Родины Власовым» (с. 475).

Конечно же, необходимо учитывать, что цитируемый источник (как, впрочем, и любой другой) является продуктом эпохи его создания. Поэтому приоритеты здесь логично отданы классовым интересам противоборствующих сторон, и, поскольку текст сдан в набор 12 сентября 1964 г., содержится критика «незаконных решений» и проч. И.В. Сталина (с. 423). И о количестве перешедших на сторону врага здесь не сообщается. Однако отметим главное в связи с характером употребления интересующих нас слов. Во-первых, существительные *коллаборационизм* и *коллаборационист* используются как своего рода экзотизмы: они применяются по отношению только к зарубежным событиям и их участникам. Во-вторых, для именования типологически подобных процессов и их деятелей на частично оккупированной территории СССР используются прежде всего исконно русские слова с отчетливой негативной коннотацией: *изменники*, *предатели*: первое из них выступало к тому же в роли юридического термина.

Довольно очевидно, что среди тех советских граждан, которые служили оккупантам во время Великой Отечественной войны, фигурируют люди, оказавшиеся в этом малопочтенном статусе по разным причинам: и из личных обид на советскую власть, и по идейным соображениям, и в поисках материальной выгоды, и вследствие своих криминальных наклонностей, и др. Если пытаться предпринять четкую классификацию таких персонажей, то строго юридически *изменниками* следует именовать всех тех, чьи поступки могут быть квалифицированы в соответствии с законодательством того времени. Ср.: «Статья 133. Защита отечества есть священный долг каждого гражданина СССР. Измена родине: нарушение присяги, переход на сторону врага, нанесение ущерба военной мощи государства, шпионаж – караются по всей строгости закона, как самое тяжкое злодеяние» [Конституция (основной закон) Союза Советских Социалистических Республик, 1937, с. 32]. – «Особенная часть. Глава первая².

² Введена в действие в 1927 г.

Преступления государственные. 1. Контрреволюционные преступления. <...> 58^{1а}. Измена родине, т.е. действия, совершенные гражданами СССР в ущерб военной мощи СССР, его государственной независимости или неприкосновенности его территории, как-то: шпионаж, выдача военной или государственной тайны, переход на сторону врага, бегство или перелет за границу, караются – высшей мерой уголовного наказания – расстрелом с конфискацией всего имущества <...>. 58^{1б}. Те же преступления, совершенные военнослужащими, караются высшей мерой уголовного наказания – расстрелом с конфискацией всего имущества» [Уголовный кодекс РСФСР, 1950, с. 35–36].

По поводу семантики слов *коллорационизм* и *коллорационист* советская лексикография сообщает: «**коллорационист** [*фр. collaboration сотрудничество, совместные действия*] – изменник, предатель родины, лицо, сотрудничавшее с гитлеровскими фашистскими захватчиками в оккупированных ими странах во время мировой войны 1939–1945 гг.» [СИС, 1954, с. 331], (то же – в [СИС, 1979, с. 240]); «**коллорационизм** – предательское сотрудничество коллорационистов с оккупантами»; «**коллорационист** – изменник, сотрудничавший с фашистскими оккупантами в странах Западной Европы, оккупированных ими во время второй мировой войны» [МАС₂, т. 2, 1982, с. 73]; т.е. эти слова представлены как некие экзотизмы. Если судить по некоторым словарям послесоветского периода, то оказывается, что существительное *коллорационист* стало выполнять (видимо, в духе толерантности, выражаемой с помощью политкорректных, то есть оценочно приглушенных слов) функцию некоего смягчающего обозначения малосимпатичного индивидуума, например: «**коллорационист** – **вм.** предатель. Иноязычный эвфемизм французского происхождения *collaboration* – сотрудничество, совместные действия» [Сеничкина, 2008, с. 157].

Слово *коллорационист* явно утвердилось в текстах СМИ прежде всего для именованя жителей бывших советских республик, поступивших на службу к фашистским оккупантам, ср.: «Исполнителями чудовищных преступлений против советского народа были не только немцы, но и *коллорационисты* 615-го “Украинского батальона”, члены которого превосходили по жестокости даже самих захватчиков»³. – «В Эстонии <...> состоялась очередная сходка легионеров «Ваффен-СС» в Синимяэ, проведены <...> “исторические реконструкции” действий *коллорационистов*...»⁴. – «...Израиль поддерживает именно российский нарратив победы во Второй мировой войне и органически не приемлет героизацию *коллорационистов*»⁵. «Герои на Украине сейчас – это украинские *коллорационисты*, которые сотнями тысяч уничтожали русских, евреев, поляков»⁶. – «...Киев ужесточил политику дерусификации и борьбу с историей, чувствуя и героизируя гитлеровских *коллорационистов* и карателей»⁷.

³ Аргументы и факты – Брянск. 29.12.2022.

⁴ М. Захарова. Известия. 12.08.2022.

⁵ Блокнот. 30.12.2022.

⁶ Депутат Госдумы РФ Р. Терюшков. Спорт 24. 08.01.2023.

⁷ Федерал Пресс. 07.01.2023.

Можно заметить, что существительное *коллаборационист* изредка употребляется применительно к участникам событий прошлого вместо ранее известного для квалификации подобных деятелей слов *изменник* или *предатель* либо наряду с ними. Например: «Русский город Киев имел несколько этапов оккупации <...>. Были, естественно [!], и *предатели, коллаборационисты*. Типа Зеленского, Мазепы, Бандеры»⁸. Трудно сказать, что именно предопределило именно такое использование слов: то ли речедеятель хотел уточнить смысл своего высказывания, то ли с некоторым запозданием вспомнил о новомодном эвфемизме.

Некоторые авторы, кажется, склонны симпатизировать подобным персонажам (это заметно по манере употребления кавычек в следующей цитате: «Но с 1917 года по конец восьмидесятых термин эмиграция имел негативную коннотацию. Эмигрировали “контрреволюционеры”, разного рода “враги народа”, предатели, *коллаборационисты*. В качестве измены первому в мире государству рабочих и крестьян рассматривалось уже само желание покинуть родину социализма и переместиться в капиталистический мир»)⁹.

Существительное *коллаборационист* присутствует и в лексиконе противника: «Когда в тридцатых годах появился Степан Бандера <...>, именно его сторонники убили тогда польского министра внутренних дел, убивали в том числе и украинцев, которых националисты считали *коллаборационистами*, сотрудничавшими с поляками».¹⁰ Заметим, что сегодня представители украинских властей в том же значении используют слово *коллаборант*: «Украинский мэр Изюма рассказал, что в городе будут проводиться фильтрационные мероприятия по поиску “*коллаборантов*” <...>. “Будут выискивать *коллаборантов*”. По его словам, <...> возвращения жителей города он ожидает после того, как в городе обнаружат всех “*коллаборантов*” – тех жителей города, которые сотрудничали с российскими военными или с назначенной Россией гражданской администрацией»¹¹.

Известны также и случаи применения слова *коллаборационист* применительно к скрытым противникам СВО и пособникам врага: «...Бывает еще хуже – когда враг не возится со взрывными устройствами сам, а сидит в чиновничьем кресле и занимается саботажем и мародерством, имея при этом связи и деньги <...>. В конечном итоге цель расследований журналиста и чекиста одна: сделать нашу Державу сильнее, избавить ее от мздоимцев, казнокрадов, *коллаборационистов* и прочей нечисти»¹².

Таким образом, активно внедряемое в широкий оборот существительное *коллаборационист* выступает в функции некоего гиперонима (см. [Колесов, 2004, с. 30, 199–206]), семантически охватывающего самых разных денотатов и включающего в себя значения слов и словосочетаний с отчетливой негативной

⁸ Депутат ГД Н. Брыкин. URA.ru. 28.07.2022.

⁹ Инфорусс. 31.12.2022.

¹⁰ Московский комсомолец. 27.12. 2022.

¹¹ Коммерсант. 12.09.2022.

¹² The Moscow post. 20.12.2022.

коннотацией (вроде *предатель, изменник Родины, пособник оккупантов* и т.п.). При этом, с одной стороны, используется заимствование с невнятной внутренней формой (хотя в УК РФ имеется ст. 275 «Государственная *измена*» – но не *коллорационизм!*), с другой – возникает несомненная эвфемизация, ощутимо смягчающая неприглядность действий отечественных *коллорационистов*. То есть, по-видимому, измена советской родине – это не измена, а почти невинный *коллорационизм*.

Заключение. С позиций семиотики положение лица, идентифицируемого как *коллорационист*, является довольно двусмысленным: оно, отвергнув либо посчитав ничтожно малыми прежние установки, продолжающие оставаться принципиально важными, сакральными для его исконного, фундаментально объединенного сообщества «наших», не превращается все же в «своего» для иного сообщества, имеющего не только собственные ценности, но и собственных «посвященных», т.е. изначально приверженных данной аксиологической системе и не склонных к безоговорочному «посвящению» бывших «чужих» (см. также [Васильев, 1993, с. 36–37, 83–86]).

Возросшая в последнее время частотность употребления существительного *коллорационист*, кажется, придавшая ему ореол «модного слова» [Комлев, 2003, с. 187–199], далеко не случайна и не может быть объяснена всецело лишь тенденцией к использованию заимствований взамен исконных слов или стремлением к обновлению официозного и пропагандистского лексического арсенала.

Данный пример – один из многих случаев трансформации универсальной оппозиции ‘сакральный’/‘профанный’ (также ‘свой’/‘чужой’, ‘хороший’/ ‘плохой’ и т.п.), а точнее – реполяризации ее словесных экспликаций в массовом сознании. Ср. недавнее определение в телепередаче профессии Иоганна Вайса – Александра Белова из фильма «Щит и меч» как *русского шпиона*, т.е. вполне по-геббельсовски. Подобные подмены сегодня чрезвычайно распространены в российских публичных речевых актах. «Принять язык противника – значит незаметно для себя стать его пленником» [Кара-Мурза, 2002, с. 425], или, иначе говоря, «смотреть на мир чужими глазами <...>, то есть глазами эталона» [Рас-торгуев 2003, с. 136]. Причем понятно, что самопровозглашенный «эталон» во все не склонен будет принимать неопитов и эпигонов с враждебной стороны в качестве полноценных и равноправных «своих» – как это было и в годы Второй мировой с фашистскими *коллорационистами* из числа местных предателей. Вместе с тем такие лингвополитические упражнения не способствуют сложению упорядоченной картины мира в сознании носителей языка, но, с другой стороны, соответствуют дискретной и эклектичной имитации идеологии – или, по крайней мере, тому, что пытаются скрыто внедрить при строгом соблюдении конституционной формулировки.

P.S. Что же касается вышеупомянутой *переписи истории*, то она производится не только за рубежом: «Крым избавили от *коллорационистов* ножницами. Из учебника по истории Крыма за десятый класс вырежут главу о *коллорационизме*,

раскритикованную крымскими татарами. Такое решение приняли в министерстве образования Крыма, чтобы “снять социальную напряженность”. Негативную реакцию вызвало перечисление в учебнике фактов массового содействия крымских татар немецко-фашистским захватчикам в годы оккупации Крыма. Депутат Госдумы Руслан Бальбек пожаловался на пособие в Генпрокуратуру (! – А.В.), а Совет крымских татар попросил исправить учебник главу Крыма Сергея Аксенова. Авторы пособия восприняли изъятие главы “с сожалением”¹³.

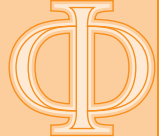
Библиографический список

1. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1986а. С. 250–296.
2. Бахтин М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1986б. С. 297–325.
3. Васильев А.Д. Нескромное обаяние англицизмов: магнетизм темных слов // Сибирский филологический форум, 2022. № 1 (18). С. 40–50.
4. Васильев А.Д. Очерки политической лингвистики. М., 2018. 144 с.
5. Васильев А.Д. Судьбы заимствований в русской лексике. Красноярск, 1993. 92 с.
6. Всемирная история: в 10 т. М., 1965. Т. X. 728 с.
7. Герд А.С. Язык как символ // ЯЛИК. СПбГУ. 2009. № 79. С. 1–2.
8. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М., 2002. 832 с.
9. Колесов В.В. Язык и ментальность. СПб., 2004. 240 с.
10. Комлев Н.Г. Слово в речи. Денотативные аспекты. Изд. 2-е. М., 2003. 216 с.
11. Конституция (основной закон) Союза Советских Социалистических Республик. М., 1937. 34 с.
12. Потебня А.А. Мысль и язык // Потебня А.А. Эстетика и поэтика. М., 1976. С. 35–220.
13. Расторгуев С.П. Философия информационной войны. М., 2003. 496 с.
14. Сеничкина Е.П. Словарь эвфемизмов русского языка. М., 2008. 464 с.
15. Словарь иностранных слов. Изд. 4-е. М., 1954. 856 с. (СИС).
16. Словарь иностранных слов. Изд. 7-е. М., 1979. 624 с. (СИС).
17. Словарь русского языка: в 4 т. 2-е изд. М., 1982. Т. 2. 736 с. (МАС₂).
18. Уголовный кодекс РСФСР. М., 1950. 220 с.

Сведения об авторе

Васильев Александр Дмитриевич – доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: vasileva@kspu.ru

¹³ Коммерсантъ. 12.05.2019.

ON VERBAL CORRECTION OF WORLD PICTURE

A.D. Vasilyev (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. Vocabulary is a level of language that is directly related to the reality surrounding people and their inner world. Activation of the use of certain lexemes can affect the consciousness of a native speaker and program their behavior in various situations. The advance preparation of the addressee for the necessary action is manifested in the correction of the linguistic picture of the world, which allows achieving the goals of information and psychological warfare: substitution of traditional axiological guidelines with others that are beneficial to manipulators.

The purpose of this article is to analyze the use of the noun ‘*collaborationist*’ in the Russian mass media and the evolution of axiological guidelines formed by modern media.

The methods of this research are semantic, stylistic, and contextual analysis of lexemes. A special role is assigned to the analysis of the socio-political lexicon, designed to verbally embody the components of the universal semiotic opposition ‘sacred’/ ‘profane’ (in other modifications, also ‘one’s own’/ ‘someone else’s’, ‘good’/ ‘bad’, etc.). This field of activity requires clear formulations to recognize participants of the opposing parties and to introduce appropriate verbal labels in public opinion.

Research results. There are cases of uncritical attitude to the realities of the past, extrapolated to the present. This also happens due to the change of lexical designations of historical events and their participants. The word ‘*collaborationist*’ was previously used only in relation to citizens of European states that collaborated with the Nazi occupiers during World War II. Today, it has clearly displaced from circulation the designations ‘traitor’ and ‘traitor to the Motherland’, which were previously the usual names of Soviet citizens who collaborated with the fascists.

Conclusion. Such substitutions are extremely common in Russian public speech acts today. This example is one of many cases of transformation of the universal opposition ‘sacred’/ ‘profane’ (also ‘one’s own’/ ‘someone else’s’, ‘good’/ ‘bad’, etc.), or rather, repolarization of its verbal explications in the mass consciousness.

Keywords: *correction of world picture, verbal manipulations, socio-political vocabulary, universal semiotic oppositions, mass media, borrowing, euphemisms, collaborationist.*

References

1. Bakhtin M.M. The problem of speech genres // Bakhtin M.M. Aesthetics of verbal creativity. Moscow, 1986a. P. 250–296.
2. Bakhtin MM The problem of the text in linguistics, philology and other humanities // Bakhtin M.M. The aesthetics of verbal creativity. M., 1986b. P. 297–325.
3. Vasilyev A.D. Indiscreet charm of Anglicisms: magnetism of dark words // Siberian Philological Forum. 2022. No. 1 (18). P. 40–50.
4. Vasilyev A.D. Essays on political linguistics. M., 2018. 144 p.
5. Vasilyev A.D. The fate of borrowing in Russian vocabulary. Krasnoyarsk, 1993. 92 p.
6. World history: In 10 t. Moscow, 1965. Vol. X. 728 p.
7. Gerd A.S. Language as a symbol // YALIK. St. Petersburg State University. 2009. No. 79. P. 1–2.
8. Kara-Murza S.G. Manipulation of consciousness. Moscow, 2002. 832 p.
9. Kolesov V.V. Language and mentality. St. Petersburg, 2004. 240 p.
10. Komlev N.G. Word in speech. Denotative aspects. Ed. 2nd. Moscow, 2003. 216 p.
11. Constitution (basic law) of the Union of Soviet Socialist Republics. Moscow, 1937. 34 p.
12. Potebnya A.A. Thought and language // Potebnya A.A. Aesthetics and poetics. Moscow, 1976. P. 35–220.

13. Rastorguev S.P. Philosophy of information warfare. Moscow, 2003. 496 p.
14. Senichkina E.P. Dictionary of Euphemisms of the Russian Language. Moscow, 2008. 464 p.
15. Dictionary of Foreign Words. Ed. 4th. Moscow, 1954. 856 p.
16. Dictionary of Foreign Words. Ed. 7th. Moscow, 1979. 624 p.
17. Dictionary of the Russian language: In 4 vol. 2nd ed. Moscow, 1982. Vol. 2. 736 p.
18. Criminal Code of the RSFSR. Moscow, 1950. 220 p.

About the author

Vasilyev Aleksandr Dmitrievich – DSc (Philology), Professor, Department of General Linguistics, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev, Krasnoyarsk, Russia; e-mail: vasileva@kspu.ru